

DOI <https://doi.org/10.30525/978-9934-26-073-5-1-18>

О ДЕРИВАЦИОННЫХ ДИНАМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Шепель Ю. А.

*доктор филологических наук, профессор,
академик Национальной академии наук высшего образования Украины,
профессор кафедры перевода
и лингвистической подготовки иностранцев
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара
г. Днепро, Украина*

Динамические процессы в словообразовании, наблюдаемые в настоящее время в русском и других славянских языках, совершенно справедливо можно отнести к числу приоритетов в дериватологии, потому как именно динамический подход к изучению лингвистических объектов позволяет обнаруживать различные типы колебаний в функционирующей системе языка и способствует выявлению общих тенденций ее развития. По мнению З. И. Резановой, в языковой онтологии когнитивная и коммуникативная функции «существуют в неразрывном единстве, взаимно обуславливая друг друга: любая коммуникация когнитивно детерминирована, а человеческая когниция глубинно коммуникативна» [1, с. 196–197]. Замечу, система словообразования русского, украинского, как, впрочем, и английского, языков очень подвижна, поэтому она достаточно быстро откликается на любые изменения в жизни общества, когда модификации в сфере политики, экономики, общественной жизни отражаются на языковых процессах, в том числе и в словообразовании. Социальными причинами на деривационном уровне стимулируются законы аналогии образования новых слов, экономии речевых средств и пр. Деривационные процессы занимают одну из ключевых позиций в процессе познания мира через единицы естественного языка, а самоё словообразование вполне следует рассматривать как систему обеспечения потребностей в выделении и фиксации особых структур (ментальных репрезентаций опыта и знаний человека). В результате протекания познавательных процессов язык постоянно обогащается и развивается, а продуцирование дериватов, прежде всего, обуславливает закрепление человеческого опыта, что приводит к отражению в словообразовательных единицах когнитивных результатов осмысления мира как языковой личностью, так и целым

языковым сообществом. Сейчас успешно применяется в аспекте языковой синхронии именно динамический способ анализа производного слова, при котором наиболее важным фактом является теория действия моделей в тот или иной период развития языка, их продуктивность. Динамическое исследование словообразовательных отношений, возникающих между словообразующими единицами и составляющими их основу системными связями в дериватологии в рамках словообразовательных типов, словообразовательных гнезд / рядов и других объединений производных слов, позволяет понять потенциально процессуальные возможности самой системы [2; 3]. Несмотря на большие потенциальные возможности русской и украинской словообразовательной системы, наблюдаем развитие незуального словообразования. В мощном потоке заимствований словообразовательные категории и типы не разрушаются, не модифицируются, что отражается в легком перерабатывании заимствованных лексем, в их адаптации к русской / украинской словообразовательной системе (выступают производящими, есть членами СГ, могут образовывать констелляции и аллигуры, открытые СР). Ср.: рус. *демпинг – демпинговый, антидемпинговый, демпинговать, демпингование, демпинговость; бренд – брендировать, брендироваться, брендированный, брендирование, забрендировать, брендовый, мультибрендовый; демпинг-политика, демпинг-стратегия, бренд-коммуникационный*. Аналогичное в украинском языке. Среди политических неологизмов русского языка широкое употребление получили неологизмы, связанные с периодом зарождения и становления в России нового общественного строя и порядка в 90-е годы XX в. Так, с изменением политического строя появились слова: *постсоветский, межправительственный, деbüroкратизация, декриминализация, доперестроечный, доприватизационный, пиар, мажислимен, маслихат, инаугурация*; с переходом на рыночную экономику: *хеджирование, евровалюта, бизнес-леди, оффишор*; с расширением международной политики: *саммит, глобализация, нераспространение ядерного оружия, страна-изгой, большая восьмерка, планетарная этика, рашка, рашизм*. Актуализировались трансноминанты. Например: *наркозелье* (наркотик), *градоначальник* (строитель), *вахы* (ваххабиты), *триколор* (флаг), *криминал* (преступление) и др. Небольшое количество трансноминантов в русском языке в общественно-политической сфере связано с тем, что современный русский язык еще формирует новый общественно-политический словарный запас и, главным образом, с помощью собственных ресурсов или через словообразование. Основной источник появления трансноминантов в русском языке в общественно-политической

сфере – это политические эвфемизмы, так как традиционной сферой, в которой активно употребляются эвфемистические средства выражения, является дипломатическая деятельность. Среди политических неологизмов активизировалось образование слов, являющихся результатом вторичной номинации. Семантические неологизмы общественно-политической сферы русского языка чаще образуются с помощью всех известных видов семантических переносов: на основе метафоры; на основе метонимии; на основе расширения или сужения значения, а также семантического сдвига. Например: *блокада* – приостановка, задержка движения транспорта, перекрытие транспортных путей людьми в знак протеста; *шоу (политическое)* – выступления, дебаты политиков, направленные на привлечение масс, формирование выгодного общественного мнения; *марафон* – о каком-либо соперничестве, длительной и напряженной борьбе за лидерство в чем-либо (*предвыборный, президентский марафон*); *дивиденды (политические)* – преимущества в политической конкуренции; *донор* – организация, территория, за счет средств и продуктов производства которой существуют другие. Отличительной особенностью семантических неологизмов общественно-политического содержания в русском языке XXI века является преобладания изменений в сторону отрицательных оценок (*кормушка, обвал, грабительский, коллапс* и др.), в редких случаях в процессе становления нового значения происходят изменения нейтральной оценки на мелиоративную (*подвижки, амортизатор* и некоторые др.). Менее активен метонимический перенос, например: *зеленые* – участники общественного движения защиты окружающей среды; *зеленые человечки* – российские оккупационные войска, *Беслан* – захват заложников первого сентября 2004 года в одной из школ г. Беслан; *Норд-Ост* – захват заложников в Москве во время показа мюзикла «Норд-Ост». Семантические неологизмы образуются в результате расширения значения, например, слова «*партиец*» в значении «рядовой член какой-либо партии, движения», «*контекст*» в значении «окружение, связи и отношения, влияющие на понимание тех или иных явлений, ситуаций и т. п.». К семантическим неологизмам, возникшим в результате сужения значения, относятся, например, *квота* в значении «установленное количество людей для нахождения, пребывания где-л.»; *унитарный* в значении «основанный на централизованном руководстве». Семантический сдвиг наблюдается, например, в ЛСВ *команда* в значении «лица, составляющие непосредственное окружение какого-либо деятеля, его советники, помощники, аппарат» (ср. *команда* – отряд, воинское подразделение), *элита* в значении «узкий круг людей, владеющих всей полнотой политической

власти», а также «привилегированная верхушка общества или какой-то его части, какой-л. группы» (ср. *элита* – лучшие представители общества или какой-либо его части). От иноязычных основ активно образуются имена существительные с суффиксами *-ник*, *-чик*– / *-цик*–, *-ец*– / *-овец*–, *-ист*–, *-изм*–, в украинском – *-ник*, *-овець*, *-іст*–, *-ізм*–, употребление которых характерно для текстов СМИ и Интернета (ср. *офшорник* / *офшорник интернетчик*, *пиаровец* / *піарник*, *спамцик* / *спамник*). Продуктивны модели с суффиксами *-ств(о)* и *-ость*: *клипмейкерство*, *антикиллерство*, *брокерство*, *премьерство* и др.; *мультимедийность*, *суицидальность*, *рейтинговость* и др. Растет число процессуальных существительных, образованных с помощью суффикса *-ацїj(a)* / *-изацї(a)*, минуя глагольную ступень, например, *вестерн* – *вестернизация* ('процесс изменения чего-либо по образцу вестерна'); *кластер* – *кластеризация* ('процесс разделения на кластеры'), *буфер* – *буферизация* ('процесс передачи данных в буфер обмена'). В сфере образования имен прилагательных наибольшую активность проявляют суффиксы *-ск-*, *-ов-* / *-овск-*, *-н-*, в украинском – *-ськ-*, *-н-*, *-ов-*: *иенгенский* / *иенгенський*, *фольковый* / *фольковий*, *онлайновый* / *онлайнний*, *пиаровский* / *піарний*, *интернетовский* / *інтернетний*, *гламурный* / *гламурний*. Активизировалось взаимодействие с заимствованными основами и глагольных суффиксов, кроме *-ирова-* / *-уват*, также *-ова-*, *-и-* (преимущественно в текстах Интернета и СМИ): *брендировать*, *продюсировать*, *демпинговать*, *роуминговать*, *кастинговать*, *офшорить*, *мониторить*. Можно говорить о первых признаках появления нового отрицательного префикса *нон-*, заимствованного из английского языка, хотя он встречается в немногочисленных словах с иностранными корнями, таких как *нон-стоп*, *нон-фикшин*, *нонконформизм*, *нонфактор*, *нонфакт*, *нон-стандарт*, *конфигуративный*. Активно стали развиваться и пополняться словообразовательные ряды с адаптацией форманта *-мейкер*, *медиа-*, *-арт* и др., например: *маркетмейкер* или *маркет-мейкер* (*market maker*), *имиджмейкер* или *имидж-мейкер* (*image taker*), *клипмейкер* или *клип-мейкер* (*clip taker*, *cliptaker*), *суши-мейкер*; *пицца-мейкер*, *топик-мейкер*, *матч-мейкер*, *файлмейкер*, *шоумейкер*, *климат-мэйкеры*; *медиа-группа*, *медиаимперия*, *медиакратия*, *медиамагнат*, *медиапартнерство*, *медиапокупка*, *медиапространство*, *медиа-профсоюз*, *медиарынок*, *медиасет*; *журналист*, *арт-заказник*, *арт-звезда*, *арт-инсталляция*, *арт-каталог*, *арт-кино*, *арт-клуб*, *арт-колледж*, *арт-конверсия*, *арт-критика*, *арт-критик*, *арт-лицей*, *арт-место*, *арт-объект*, *арт-проект*, *арт-работа*, *арт-рынок*; и др. На фоне возрастания общей словообразовательной активности увеличивается и образование новых слов от

русских корней, прежде всего, за счет лакунарности русской словообразовательной системы и заполнения «пустых клеток» потенциально возможными производными.

Литература:

1. Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996. 218 с.
2. Петрухина Е. В. Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке. *Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов* / Под ред. проф. Е. В. Петрухиной. Москва: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. – Режим доступа: <https://www.portal-slovo.ru/philology/45939.php>
3. Склярёвская Г. Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы. *Исследования по славянским языкам*. № 6. Сеул, 2001. С. 177–202.

DOI <https://doi.org/10.30525/978-9934-26-073-5-1-19>

СЕМАНТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ПОВНИХ ГОМОГЕННИХ МІЖМОВНИХ ОМОНІМІВ-ІМЕННИКІВ В УКРАЇНСЬКІЙ І БІЛОРУСЬКІЙ МОВАХ

Щербина Д. В.

*аспірант кафедри української мови
Криворізького державного педагогічного університету
м. Кривий Ріг, Дніпропетровська область, Україна*

Інтенсивні контакти між двома мовами сприяють, з одного боку, їх обоїльному збагаченню, а з другого – породжують небажану інтерференцію, яка найчастіше виявляється у відхиленні від норм однієї з мов під впливом іншої. Серед головних причин такої інтерференції – міжмовна омонімія. Міжмовні омоніми становлять великі труднощі у практиці лексикографічної та перекладацької роботи або під час навчання іноземних мов, тож науковий інтерес до цієї багатогранної проблеми дедалі зростає.